

Раздел II
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ
И МЕНТАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Part II. SOCIALLY-PHILOSOPHICAL
AND MENTALLY-COGNITIVE ASPECTS
DEVELOPMENTS OF EDUCATION

УДК 37.0 + 13 + 316.7

РЕАЛЬНОСТЬ КАК ИЛЛЮЗИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
К ДИАГНОЗУ СОСТОЯНИЯ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ

В. И. Игнатъев, С. А. Кузин (Новосибирск)

Проводится критический анализ экономцентричного подхода к функциям высшего образования. Предлагается интерпретировать современное состояние управленческих решений реформирования высшего образования в России как основанных на доминировании виртуальной модели института образования. Показаны следствия пространственного «разлома» социального пространства в эпоху тотальной информатизации, состоящие в расщеплении структур социальных практик на области виртуального и актуального социального действия.

Ключевые слова: социальная реальность, институт высшего образования, виртуальные модели реформирования института образования, «разлом» социального пространства.

Игнатъев Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: ignat@fgo.nstu.ru

Кузин Сергей Александрович – аспирант кафедры социологии факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: ufosirius@mail.ru.

REALITY AS THE ILLUSION OF ACTUALITY: ON THE DIAGNOSIS
OF THE STATE OF THE INSTITUTION OF EDUCATION

V. I. Ignatyev, S. A. Kuzin (Novosibirsk)

There are presented a critical analysis of the economy-centered conception of the higher education functions. It is suggested to interpret the current status of the managerial decisions in reforming the higher education in Russia as based on the dominance of a virtual model of the education institution. There are demonstrated the effects of the social space "break" at the age of total informatization, which consist of splitting the social practices into the spheres of virtual and actual social actions.

Key words: *social reality and actuality; institution of higher education; virtual models of reforming the institution of education; "break" of the social space; virtual and actual systems of action.*

С приближением введения в Российской Федерации двухуровневой системы высшего образования вновь усилилась полемика не только о целесообразности такой реформы, но и об изменении функций образования вообще в XXI в. Отрадно, что ведущее издание образовательного сообщества России журнал «Вестник высшей школы» в 2010 г. предоставило свои страницы сторонникам философских и социологических подходов, излагавшим не совпадающие точки зрения. Остановимся на тех, которые представляют три основных видения и самой проблемы, и интерпретации института высшего образования.

Свидетельством продолжающейся дискуссии о приемлемости новейших тенденций в реформе зарубежного высшего образования для реалий России (Болонский процесс) является статья А. М. Егорычева [1]. Автор относится к той группе отечественных мыслителей, кто отстаивает сохранение специфики российской системы высшего образования, справедливо, на наш взгляд, подчеркивая, что «нормальными условиями, позволяющими высшему образованию своевременно и адекватно отвечать на вызовы времени, будут только такие, которые находятся в соответствии и согласии с этнокультурными смыслами, ценностями и традициями российского народа, с его историей» [1, с. 31].

В соответствии с данным подходом, который можно обозначить как локальноцентричный, сам социальный институт образования во всей своей специфике вырастает и формируется в неразрывной связи с локальным социумом как органичной исторической социальной целостностью. Заимствования инородных социальных форм возможны, но лишь через адаптацию к социокультурному контексту конкретного общества, к его социокультурному «коду». Сторонники локальноцентричной интерпретации института образования, в том числе А. М. Егорычев, утверждают, что ориентация «на американские и западные ценности, противоречащие природе российского (русского) народа, его культуре, не позволяет качественно и продуктивно развиваться отечественной высшей школе» [1, с. 31].

Данный подход неразрывно связан с интерпретацией института высшего образования как выполняющего комплексную – социокультурную –

функцию, являясь транслятором культуры, а не просто знаний. Из этого следует, что задача высшего образования – наполнять смыслами и специфическими традициями практики представителей локального социума, вводимыми в систему его практик и адаптируемыми к предлагаемым им видам деятельности. Таким образом, указанный подход представляет собой версию локально-ориентированного функционализма [7, 8].

Другой подход можно обозначить как глобальноцентричный. К типичным представителям этого направления относятся, например, А. Урсул, демонстрирующий концепт «глобального образования» [2, 9]. Причем главное в этом подходе, базирующемся на концепции глобального эволюционизма, – даже не императив универсализации локальных форм, а императив проектирования будущего [2, с. 38]. При этом неясно, кто должен являться проектантом этого будущего. В лучшем случае предполагается, что этим будут заниматься международные организации, а также и принимающие идею глобального эволюционизма национальные правительства и неправительственные организации и некое абстрактное «общество». А. Д. Урсул предлагает, что «в ходе дальнейшего развития инновационных процессов в глобальном образовании целесообразно устранить существующую темпоральную ассиметрию и предпринять шаги в целях формирования сознания человека с точки зрения большей представленности в нем футурологической компоненты <...> В мировую образовательную систему должен «вторгнуться» фактор “глобального будущего”» [2, с. 39].

Но как создавать это будущее, прокладывая к нему путь? Ответ А. Д. Урсула сводится к абстрактному императиву: «это новое знание должно возникать в процессе взаимодействия учителя и ученика, в процессе их взаимодействия с образовательной и окружающей средами» [2, с. 40].

Итак, гармонизация, синхронизация с социокультурными, природными и космическими трендами эволюции. Без ответа остается вопрос: а что является «строительным материалом» для проектирования главного – социального пространства, это – некие универсальные антропоцентричные императивные конструкции социума, или их синтез с универсальными, абстрактными и поэтому трудноприменимыми к реальности моделями «человек – социум – природа – космос»?

Вообще, для глобального эволюционизма характерна чрезмерная абстрактность, увлеченность построением далеких от действительных жизненных и социальных процессов моделей. Глобальный эволюционизм и концепт глобального образования напоминает некую гипер- или трансцендентную социальную «реальность» как вариант автономно существующего «виртуала», похожего на действительность, его порождающую, но слишком отдалившегося от этой действительности. Вместе с тем пафос «опережающей функции образования», содержащий в себе потенциально отказ от функциональной интерпретации института высшего образования, следует признать конструктивным и имеющим перспективу для дальнейшего осмысления.

Гораздо более «приземленным» представляется третий подход к интерпретации института высшего образования, который можно обозначить как экономцентричный. Остановимся на одной из последних публикаций, в концентрированном виде отражающей данный подход. Речь идет о ста-

тье Ф. Э. Шереги, посвященной анализу дисфункциональности российского высшего профессионального образования [3]. Суть его концепции: структура профессиональной подготовки и набор направлений должны строго соответствовать структуре профессиональных практик – деятельностей, профессий, должностей, отраслей – и представлять собой процесс «заполнения ячеек» в профессионально-отраслевой структуре российского общества. В настоящее время это наиболее распространенный и даже популярный подход при принятии государственных решений и наиболее оживленно и позитивно воспринимаемый в дискурсе обсуждения путей решения проблем модернизации института образования.

Предлагаемый Ф. Э. Шереги подход дает редуцированную трактовку института высшего образования, сводя его функцию к профессиональной подготовке – «дифференцирующей функции». Правда, он упоминает и об интегрирующей функции, но сводит ее лишь к процессу приобщения молодого поколения к культурным ценностям, нравственным идеалам и принципам мировоззрения, то есть опять же подчеркивая адаптивно-производственную функцию, обеспечивающую формирование целостности социума [3, с. 22].

К формированию социальных позиций, статусов, социальной и профессиональной структуры индивида в такой картине социального мира («социальной реальности») имеют лишь косвенное отношение. Структуры общества формируются как бы сами по себе, точнее, в соответствии с некими экономическими законами, которые, вероятно, в контексте данного концепта следует понимать как социального субъекта – «экономическую жизнь». Этот экономический детерминизм (экономоцентризм) редуцирует социальное к экономическому. В свое время он вызывал острые споры, которые, впрочем, сегодня вряд ли можно считать актуальными, а сведение социального к экономическому в настоящее время выглядит анахронизмом. И все же этот анахронизм живуч и провоцирует дискуссию о причинах вновь заявившего о себе в социологии «экономического империализма». И хотя было бы банально вновь возвращаться к доказательствам, что не человек для экономики, а экономика для человека, тем не менее природа полемики опирается и на неочевидные предпосылки – феномены, провоцирующие возрождение дискуссии. Дело в том, что в господствующей как в массовом сознании, так и у профессионалов от экономики и управления и экспертов «картине социальной реальности» четкие контуры имеет факт (фрагмент) социальной жизни: вузы должны выпускать столько специалистов, сколько имеется рабочих мест на рынке труда. Иначе происходит перепроизводство кадров, их невостребованность и в итоге институт высшего профессионального образования становится дисфункциональным, порождая безработицу, социальную напряженность (в том числе и межпоколенную), неоправданное и неэффективное расходование бюджетных средств и т. п.

Искушение последовать за такими картинками «социальной реальности» велико, как и велик соблазн принятия легких (с точки зрения здравого смысла) решений. Можно «выращивать» особую национальную модель образования, вглядываясь в привлекательную и завораживающую картину особой «русской цивилизации». Можно «переключить гештальт» и

через призму концепта глобального образования «лепить» универсальные формы из «материала» российского социума. Или же, заняв позицию экономцентризма, связать в единую систему («машину») две стороны экономического процесса – функционирующих предприятий и организаций и вузы как фабрики кадров.

Однако за этими «картинами», как идеальными конструктами, базирующимися либо на спекулятивно-умозрительном, либо абстрактно-эмпирическом методах моделирования социальной жизни, в своеобразной «темной зоне» (сфере сущности) располагается другая картина социальной жизни – картина социальной действительности. В отличие от реальности действительность не дана в эмпирических схемах и спекулятивных высказываниях, она есть продукт движения теоретической мысли. Модели сущности – это более адекватные модели действительности. Поэтому только теоретические модели (в форме конкретно-теоретического знания о конкретных объектах) социума и его институтов могут дать картину действительности (но не реальности). В указанном смысле интерпретация института высшего образования, традиционно понимаемого как «университет», может помочь понять сложившуюся ситуацию в современном мире.

Университет есть институт по воспроизводству и трансляции культуры – этот принцип Всемирной хартии университетов, несомненно, нуждается в возрождении и актуализации. Но и он страдает редукционизмом, поскольку отражает суть укоренившейся в течение многих столетий традиции функционирования университетов. Длительное время университет, как и вообще формирующийся институт образования, усиливал свою функционально-активную характеристику: адаптировать, сохранять, передавать последующим поколениям знания. Люди были актерами на сцене спектакля, создаваемого не ими. В индустриальной цивилизации индивиды стали «винтиками» гигантской фабрики социума. Одним из важнейших «цехов» этой фабрики являлась (и пока остается) система института высшего образования. Постиндустриальный мир диктует новые требования как к индивидам, так и к институтам. Самоорганизация, креативность, создание из нарастающего хаоса и неопределенности новых форм порядка, стремительная смена социальных форм, смещение форм организации общества к самоорганизации, переходу от вертикали управления к горизонтальным сетевым формам, феномен роста человеческого и интеллектуального капитала – это далеко не все феномены, получившие отражение на уровне социальной теории в концепциях общества риска (Э. Гидденс, У. Бекк), индивидуализированного общества (З. Бауман), «ускользающего мира» (Э. Гидденс), «текучей современности» (З. Бауман).

В современном обществе институт высшего образования во все большей степени должен превращаться из систем практик, обслуживающих «наличное социальное бытие» (социальную действительность), в систему, конструирующую социальную действительность, наполняющую социальное пространство новыми социальными формами. Эта конструктивистская, а не функциональная направленность института высшего образования определяется также функцией (заданием общества), но иной природы. Существование социума становится возможным лишь на основе расширенного проектирования, конструирования и обработки форм как

образцов социального порядка в противовес нарастающему хаосу и неопределенности.

Конечно, профессиональная составляющая высшего образования сохраняется, но заказчик становится иным. Он в постоянном изменении, а значит, за ним не угнаться. Поэтому «заказ» от отрасли, предприятий, бизнес-сообщества важен, но не он только определяет содержание и направления профессиональной подготовки. Университеты сами должны стать активными конструктами и «производителями» социальной действительности, через разработку перспективных «картин реальности» и, самое главное, быть настроены на смену «программ» самого социума, разрабатывая эти программы как новые «пакеты» практик, видов деятельности, профессий и даже отраслей. Университет как ядро института высшего образования в буквальном смысле приближается к тому, чтобы стать «фабрикой социума», на что в свое время обращали внимание Г. Спенсер и Ф. Теннис.

Странно, что экономцентричный подход игнорирует или не замечает возникновение новейшей социальной действительности – действительности, рожденной в сетях электронных коммуникаций. В частности, в статье Ф. Э. Шереги об этом глобальном социальном пространстве, наполненном новыми профессиями, даже не упоминается. А ведь это уже не тысячи, а миллионы акторов, объединенных глобальной сетью, включенных в экономическую и прочие виды, преимущественно креативной, деятельности. Что же это за новые субъекты – заказчики институту высшего образования?

В результате процессов трансформации, протекающих в современном обществе, возникают новые формы общественных отношений, новые социальные группы, вследствие чего формируются новые виды профессиональной деятельности.

Процесс трансформации общественных отношений в полной мере затрагивает институт образования, призванного удовлетворять потребность общества в представителях ранее не встречавшихся профессий, возникающих как отклик на изменения, происходящие в сфере производства общественных благ.

Больше всего абсолютно новых профессий появилось в связи с развитием информационных технологий. Так, пять назад на рынке труда появилась профессия *веб-мастера*, достаточно популярная и высокооплачиваемая. Но современные тенденции в сфере информационных технологий послужили причиной того, что из нее развились нескольких новых: *руководитель, менеджер проекта, веб-дизайнер, веб-программист и специалист по развитию*, то есть речь идет о все более узкой специализации для профессионалов... [5]. На рынке информационных технологий и Интернет-пространства не уменьшается спрос на представителей новых профессий. Среди тенденций этого года руководитель HR-департамента компании Innovative Marketing Ukraine Мария Дунниченко отмечает появление более узких специальностей, например, *инженер автоматизированного тестирования* [4]. В рекрутинговой компании World Staff «Деньгам» называли еще одну весьма востребованную нынче IT-профессию – *java script-программист* [4]. Чрезвычайно популярными в онлайн-среде стали и специа-

листы, которые находятся на стыке нескольких профессиональных областей, например, *Интернет-маркетологи (seo-оптимизаторы)*. Эти сотрудники отвечают за продвижение сайта в Сети, поэтому они должны быть не столько маркетологами, сколько «технарями», – как считает маркетолог компании «Работа Интернешнл» (портал по трудоустройству *rabota.ua*) Виктор Закотий [4]. <...> Профессия *баннермейкера* – специалиста, который имеет отношение как к дизайну, так и к развитию (продвижению) сайта, – появилась два–три года назад. Такая должность есть обычно лишь в крупных коммерческих проектах, поскольку, как правило, это – человек, занимающийся исключительно изготовлением и размещением баннеров [6].

По данным информационного портала «Point.ru» на 2007 г., в мире имеют место такие уникальные, пока еще не распространенные профессии, как:

1) *программист роботов*. По мнению Е. Золотовой, «большую часть времени Зейглер (фамилия представителя профессии. – *Прим. авт.*) проводит за персональным компьютером и специальным устройством, помогающим точно отладить все движения робота. Он постоянно в разъездах – посещает клиентов своей компании, выполняя также функции менеджера по продажам, инженера техподдержки и установщика оборудования» [5];

2) *инженер по информации* – человек, в чьи обязанности входит в буквальном смысле откапывание полезных информационных крупинок. «Тридцатичетырехлетний Боб Ли, бывший сетевой инженер компании Apple, каждый день сидит напротив трех огромных мониторов, которые буквально сочатся информацией – более 200 гигабайт в день от более чем 5 000 000 пользователей глобальной сети! Задача Ли – используя полученную информацию и проведя анализ данных, выявить последние сетевые тенденции и понять, какие новые сетевые функции и «фишки», выражаясь общепринятым сленгом, «рулят», а какие уже так называемый «бойн» [5];

3) *юрист в Second Life*. *Second Life* (вторая жизнь) – это 3D виртуальный мир, созданный его обитателями. Разработчиком и владельцем аппаратно-программной части является компания Linden Research, Inc. Это не очередная он-лайн игра, здесь отсутствует сюжет. *Second Life* – настоящая виртуальная реальность. На сегодняшний день число зарегистрированных игроков достигло 6 млн и продолжает расти ежемесячно. В виртуальном мире действует собственная валюта, с помощью которой игроки приобретают любые вещи. Виртуальный обменник позволяет конвертировать игровую валюту во вполне реальные доллары, что позволяет игрокам хорошо зарабатывать в мире «*Second Life*». Игроки могут сами создавать не только здания и различные объекты, но даже игры [5]. Из почти 2 млн членов виртуального сообщества «*Second Life*» более 25 тыс. весьма преуспевающие бизнесмены. Многие продают и покупают недвижимость, землю, создают интерьеры и коллекции одежды, делают украшения и даже...домашних животных. Пока покупателей немного, но потенциальный рынок расширяется: согласно данным создателей *Second Life*, более 100 предпринимателей зарабатывают больше 5 000 дол. в месяц [5]. «Адвокат Стивен Либерман не занимается виртуальным правом – на нем много не заработаешь. Вместо этого он использует «*Second Life*» в качестве «поставщика» потенциальных клиентов. В виртуальном мире легче позна-

комиться с адвокатом (редкая профессия для “Second Life”) и договориться о встрече уже в реальном мире. После того, как за первые две недели консультаций Либерман заработал около 7 000 дол., он весьма оптимистично смотрит в реальное будущее из виртуального мира» [5].

Можно говорить и о появлении новых специализаций уже известных профессий внутри Интернет-пространства. Начали появляться вакансии для *он-лайн рекрутеров*. Их основной обязанностью является подбор и поиск персонала с помощью средств *Интернет-рекрутинга*: размещение объявлений на job-сайтах, поиск кандидатов в социальных сетях, на блог-ресурсах и так далее. Такие специалисты также становятся востребованы в качестве *researcher’ов (исследователей, аналитиков)* в кадровых и рекрутинговых агентствах. Там они проводят общий мониторинг Интернет-пространства [5]. Возникла должность *контент-редактора – человека*, в обязанности которого входит текстовое наполнение сайта или портала, постоянное обновление информации и контроль за внешним видом сайта, обычно нужен в любой компании, даже в маленьком городке [6]. В последнее время нередко в рекрутинговых компаниях появляются заявки на *директоров Интернет-магазинов*. По сути, это – профессиональный менеджер, который, кроме владения инструментарием в отрасли программирования, должен иметь также хорошее бизнес-образование (логистика, финансы, оценка рисков ценообразования) и тому подобное [6].

Таким образом, современному институту образования предстоит выбрать: следовать ли за виртуальными концептами так называемой «социальной реальности», в которых присутствуют самые разнообразные рецепты реформирования института образования, либо же признать факт существования новых черт социальной действительности. Виртуальные концепты, к которым относятся три рассмотренных подхода, тоже являются сферами социальных практик, и они действительно оказывают воздействие на процессы модернизации института образования. Но внедряемые на их основе социальные формы неизбежно встречают сопротивление, поскольку противоречат требованиям, предъявляемым к институту высшего образования: во-первых, организации предсказуемой и эффективной жизни в условиях роста неопределенности, и, во-вторых, ориентации на новое, «параллельное» социальное пространство («Интернет-галактику», по М. Кастельсу) со своей социальной и профессиональной структурой, а значит, и со своими заказчиками.

Пока реформаторы будут следовать за виртуальными концептами, так называемая модернизация высшего образования будет носить характер симулятивных социальных практик, в основе которых лежит система виртуального социального действия, а разбегание между социальной реальностью и социальной действительностью все больше будет приобретать характер пространственного разлома.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Егорычев А. М.** Национальные духовные традиции в формировании российской системы образования // *Alma mater. Вестн. высшей школы.* – 2010. – № 2.
2. **Урсул А.Д.** Становление глобального образования // *Alma mater. Вестн. высшей школы.* – 2010. – № 2.

3. **Шереги Ф. Э.** Дисфункциональность российского высшего профессионального образования // Alma mater. Вестн. высшей школы. – 2010. – № 1.
4. **Алексеева А.** На рынке труда появились новые профессии. – URL : <http://dengi.ua/clauses/28030/p2.html>.
5. **Золотова Е.** Новые и редкие профессии. Топ-5. – URL : <http://www.point.ru/news/stories/8102>.
6. **Новые** профессии на рынке труда. – URL : <http://www.profosvita.org.ua/ru/required/articles/37.html>
7. **Ванеева Т. А.** Системный взгляд на институт образования в рамках современного общества // Философия образования. – 2006. – № 2(16). – с. 12–15.
8. **Наливайко Н. В.** Актуализация проблем специфики развития отечественного образования // Философия образования. – 2006. – № 2(16). – с. 27–32.
9. **Колесников В. А.** Образование в XXI веке: к новому концептуальному видению // Философия образования. – 2008. – № 1(22). – с. 10–16.

УДК 13 + 37.0

К ВОПРОСУ О МЕНТАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Н. А. Чуркина (Новосибирск)

Целью данной статьи является постановка вопроса о теоретической составляющей актуальных проблем, вставших перед современным российским образованием в связи с его переходом на новые принципы Болонской программы.

Анализируется ряд как современных, так и ставших уже классическими работ, характеризующих место и роль ментальных оснований современного российского образования, с целью выявления актуальности данной тематики в рамках философии образования.

Ключевые слова: менталитет, образование, воспитание, ценности, культура, глобализация, идентификация, стереотипы, технологии.

ON THE QUESTION OF MENTAL PROBLEMATICS OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION

N. A. Churkina (Novosibirsk)

The aim of the paper is to pose the question of the theoretical component of the current problems faced by contemporary Russian education in connection with its transition to new principles of the Bologna program.

The paper presents an analysis of a number of both modern studies and the studies which have become classical now, characterizing the place and role of the mental basis of modern Russian education. The author analyzes a number

Чуркина Наталья Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет». 630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.
E-mail: NB1468@ngs.ru